

Новый фильм Питера Гринауэя *Pillow Book* недавно был показан в Доме Кино под названием "Интимный дневник"; однако после просмотра приходит в голову, что правильнее было бы перевести *Pillow Book* как "Записки у изголовья". Фотоаппарат Нагики (Вивиан Ву) хочет отомстить за отца-писателя (Кен Огата) издателю, который принудил его к гомосексуальной связи. Девушка, вдохновляясь древними писаниями японской аристократки, решает послать издателю 13 "книг", да не простых, а написанных на человеческой коже. В ход идут ее многочисленные любовники — от борца сумо до переводчика Жерома (Юван МакГрегора), который охотно демонстрирует в кадре свой обнаженный "инструмент наслаждения".

"Мне очень интересны секс, насилие и жестокость — это интересует большинство людей XX века", — сказал однажды Питер Гринауэй.

За 16 лет он поставил всего 9 фильмов, но зато каких! Вряд ли мы забудем, что в фильмах Гринауэя голого Ральфа Финнеса забили насмерть огромный бык; утонули в соответствии с отчетом Брайан Прингл, Тревор Купер и Дэвид Морисси; бедняжку Джулию Ормонд изнасиловали 208 раз; Элана Ховарда зажарили и съели; Энтони Хиггинса забили палками насмерть; с Ювана МакГрегора сняли шкуру заживо; а о таких пустяках, как обрезание пупка у юного хориста или расчленение младенца, даже неудобно упомянуть. И, кстати, с американцами Гринауэй обращается так же бесцеремонно, как и с соотечественниками: когда ему в руки попался Брайан Деннехи, его он тоже в конце концов уморил.

Но список прегрешений Питера Гринауэя на этом не заканчивается. Зрители предъявят ему свой счет: создание смертельно заумных и претенциозных фильмов нескончаемой длины, в которых ледяная элитарность сочетается с фанатичной любовью к цифрам и каталогам. Короче, извращенец, фанатик и скучный тип.

Интересно, сожгли бы его на костре веков пять назад?

"Сожгли? Ха-ха! Не исключено. Помню, в Гамбурге в меня кидались пивными бутылками после просмотра фильма "Дитя Мэкона". А в Торонто после сеанса ко мне подошли три дамы и сказали: "Мистер Гринауэй, что о вас думает ваша мать, неужели ей на стыдно за своего сына?"

Режиссер отказывается уточнить, стыдно ли миссис Гринауэй за своего знаменитого отпрыска, но сам он не испытывает ни малейшего раскаяния. Агент-провокатор английского кино, прославившийся скандальными киноспектаклями "Повар, вор, его жена и ее любовник", "Книги Простеро", "Дитя Мэкона" и новой лентой "Интимный дневник", Питер Гринауэй — один из людей, которых общество любит ненавидеть. Он уверяет, что таковы все настоящие художники. Что мир еще не дорос до его творчества. Наконец, что он мечтает снять фильм о любви к мертвецам.

"Я давно уже хочу сделать фильм о некрофилии, — говорит он. — Все актеры будут старики, всем будет лет по 70. А все действие фильма будет разворачиваться в темноте". Складывается впечатление, что он просто издевается над собеседником. "Продюсеры сказали мне то же самое, — грустно вздыхает Гринауэй. — Поэтому мне пришлось отложить эту идею в долгий ящик. Но обещаю, что в один прекрасный день я все-таки ее реализую!"

Разумеется, этот день будет особенно прекрасным.

Разговаривать с маэстро Гринауэем — подлинное мучение. Он невероятно начитан, усташающе интеллигентен, абсолютный космополит в восприятии окружающей его реальности. Во время разговора он все время приперчивает фразы именами литературных, кинематографических, музыкальных знаменитостей. Порой кажется, что он нарочно приду-

"Я глубоко убежден, что мы пока еще не видели ни одного настоящего фильма, — говорит он, когда ему напоминают о старом высказывании. — Сто лет мы смотрели иллюстрации текстов. Ты должен иметь перед собой текст, прежде чем начать создавать изображение. Я же получил образование художника и не хочу оказаться в положении покупателя в магазине подержанных вещей. Я не иллюстратор, а изначальный со-

существовала в ранних лентах, сейчас исчезла. Наверное, интересные люди перестали снимать кино, они ушли в иные области".

Конечно, наблюдательный читатель уже заметил ошибку маэстро: "Синий бархат" поставил не Дэвид Лин, а Дэвид Линч. Разумеется, подобная оговорка простительна в устах почти любого человека, но в случае с Гринауэем так и хочется его устыдить и счесть ошибочку

года в Мариенбаде" и построим временные параллели, то поймем, что до сих пор еще не создан пост-кубистский, протоджеймс-джойсовский нарративный стиль кинематографа".

Единственное оправдание для маэстро Гринауэя: сам он гораздо забавнее и интереснее, чем большинство его фильмов. Чуть отстраненная ироничность дает понять, что он уже отвечал на все вопросы сотни раз, но вынужден терпеть сто первую попытку понять его произведения.

Не кажется ли ему, что люди пытаются слишком много вычитать в его фильмах?

"Не понимаю, как можно вычитать слишком много! — парирует он. — Вы не пытались найти новое прочтение "Иноплаштанянина" Спилберга? Каким восхитительным может стать "Иноплаштанянин", если прочесть его как осовремененный миф о воскрешении! Чем больше информации получает человек, тем более богатой и наполненной становится его жизнь."

А если зритель выйдет с его фильма, обогатившись всего лишь коллекцией красивых картинок, будет ли удовлетворен маэстро?

"Думаю, в фильме заключено гораздо больше, — сердито говорит Гринауэй. — Даже Борхес (фамилия аргентинского писателя произносится с раздражающей надменностью) предлагает нам свою китайскую энциклопедию, которая отвергает теорию каталогизации. А в руках таких людей, как Фуко, всегда есть возможность предикативования многих других вещей".

Похоже, маэстро осознает, что загнул слишком круто, поскольку снисходит до объяснения: "Я могу сказать, что 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 — список, но это также история. Я могу даже уверить, что это гораздо более волнующая история, чем 10 9 8 7 6 5 4 3 2 1. Эти списки предлагаются как стимуляция различных вариантов развития событий, и мне хотелось бы верить, что "Интимный дневник" полон стратегий, многослойности и множественности отсылок как в рамках фильма, так и за его рамками".

Конечно, ничто так не радует сердце журналиста, как прямой ответ на прямо поставленный вопрос.

54-летний режиссер вряд ли изменится и мы никогда не увидим его на съемочной площадке "Бэтмена-5" или "Скорости-3". Гринауэй идет своим путем к вечной славе гения или безумца XX века.

"Люди часто спрашивают, терзают ли меня продюсеры своими придирками, — говорит маэстро. — Но единственное, что меня беспокоит — не реализованное до сих пор желание снимать более длинные фильмы. Мне нужен более широкий холст, чтобы исследовать сложные проблемы, но с коммерческой точки зрения это будет самоубийство, потому что ни один кинотеатр не согласится показывать один фильм целый день или хотя бы целый вечер. Но я все-таки надеюсь, что продюсеры заглохнут наживку и мне удастся снять 8-часовой фильм. Мы хотим прокатывать его одновременно в залах, по ТВ, на CD-ROM и в Интернете."

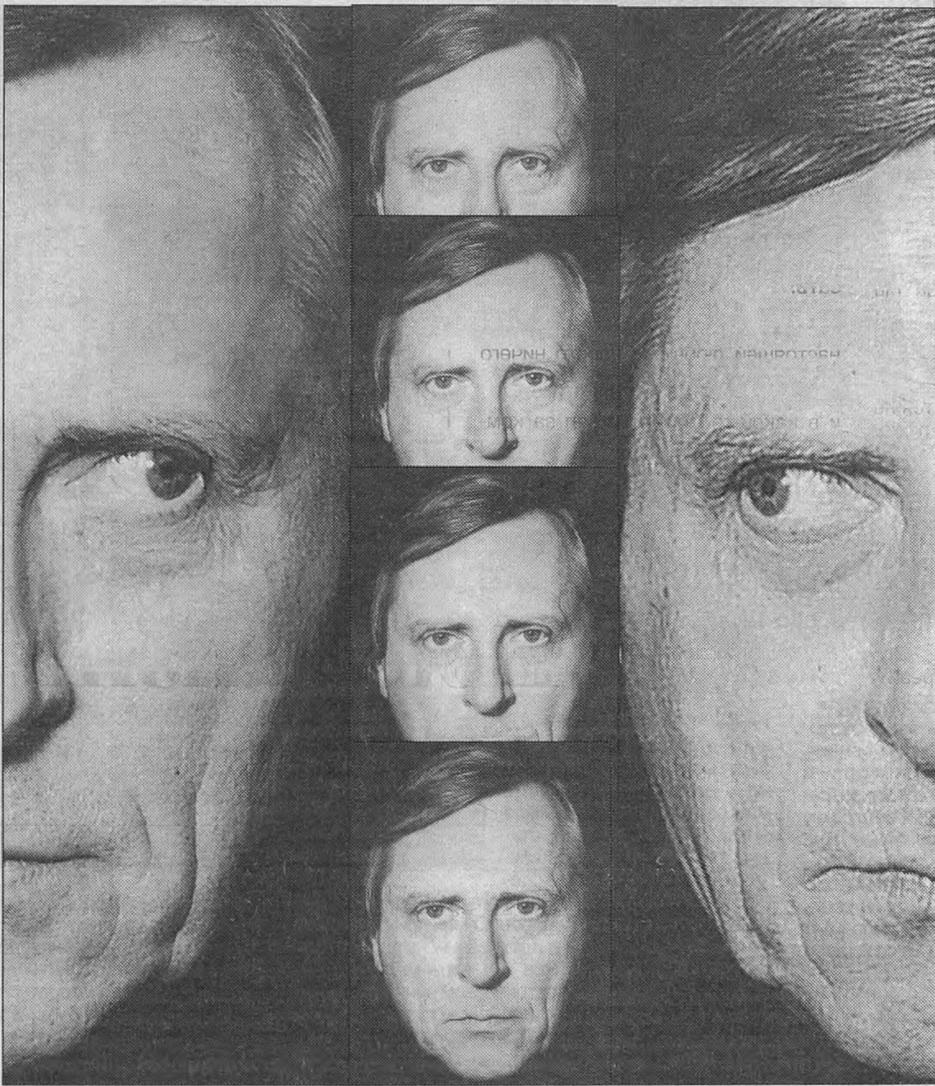
Разумеется, Питер Гринауэй живет в своей башне из слоновьих костей, но неужели ему не хотелось бы быть понятым?

"Понятым? Для этого нужно снимать мультики. Но если я сделаю кино про утенка Дональда, то после первого же удара кирпичом по голове он попадет на полгода в госпиталь, а потом получит инвалидность из-за черепно-мозговой травмы, его бросит жена и жизнь его покатится под откос. Насилие, жестокость и секс — так, кажется, начиналось наше интервью?..."

ЛОНДОН.

Питер Гринауэй: "Секс, насилие и жестокость!"

Джон НОУТОН

мывает многочисленные красивые импортные имена, чтобы проверить эрудицию собеседника. Иногда он произносит фразы, в которых половина слов — то ли иностранные термины, то ли компьютерные команды.

Его совершенно не смущает, что обычный кинозритель его черта не может понять в его новом шедевре "Интимный дневник". "В случае с фильмом Гринауэя это совершенно естественно, — невозмутимо говорит о себе в третьем лице маэстро. — Неизбежна большая поляризация. Есть люди, которых такие фильмы интригуют и заставляют думать, что таким образом можно заново изобрести кино. Я знаю, что по Интернету постоянно проходят дискуссии по поводу моих фильмов и большие команды поклонников штудируют каждую деталь в каждой сцене. Но разумеется, есть и другие, которые считают мои ленты слишком элитарными, слишком маньеристскими или же называют их интеллектуальным эксгибиционизмом. Их раздражает, что я не снимаю психодрама, как все остальные".

"Психодрама" — слово, означающее для Гринауэя все остальное кино; оно произносится с неизменным пренебрежением и даже брезгливостью. Фи, какая пошлость — рассказывать с экранов историю! Однажды Гринауэй заявил: "Кино — слишком богатый и мощный медиум, чтобы полностью отдавать его на откуп сочинителям историй".

здателю материала, но я понимаю, что со времен Гриффита кино снимается так, и только так. Поэтому нужно искать альтернативы. Я их и ищу. Обратите внимание на числовые структуры, обратите внимание на элементы, которые я беру из живописи XX века."

Манера Гринауэя одновременно раздражает и восхищает. Он похож на Галилео Галилея в своем стремлении доказать, что он один прав, а все остальные неправы.

"Мы должны создавать более детальный кинокабуляр, — говорит он. — После 20 лет невероятно скучных фильмов кино должно изобрести себя заново".

Интересно, он что же, вообще не ходил в кино эти последние 20 лет?

"В конце 70-х был кризис, — объясняет Гринауэй, — и в те годы я совершенно утратил привычку ходить в кино. Сейчас я почти не хожу в кинозалы. И всегда испытываю разочарование по окончании сеанса. Но у монеты есть и другая сторона: если я вижу хороший фильм, начинаю завидовать его создателю. Например, "Синий бархат" Лина (sic!). Когда я посмотрел этот фильм, меня разбирала зависть. Поэтому поход в кино для меня всегда малоприятная вещь — и в случае с хорошим фильмом, и в случае с плохим. Конечно, я шучу, но полагаю, что острая, волнующая грань кинематографа, которая

свидетельством, что Гринауэй не столь умен, сколь хочет казаться.

Почему поклонники Гринауэя считают умным размещение в "Отсчете утопленников" в каждом кадре цифр от одного до ста? А в чем смысл изнасилования Джулии Ормонд 208 раз, за исключением того, что 13+13+13x13+13=208? При разговоре с Гринауэем осознаешь, что он зачастую облекает в сложные и высокопарные фразы простенькие, как стеклышко, идеи.

Например: "По-моему, самые удачливые режиссеры имеют сильное чувство авторства плюс умение донести до зрителя свои мысли. По определенным причинам мы полностью принимаем Пикассо как Пикассо. Я думаю, что если мы интересуемся субъективизацией авторского видения, а я думаю, что в этом весь смысл, то нам интересен Тарковский — тем, что он может сделать с его специфическим материалом. Нам интересен Скорсезе. Мы называем их произведения фильмами Скорсезе и Тарковского. Думаю, эта субъективность и создает интерес". Замечательно, но не проще ли было сказать: "Я верю в авторское кино"?

Или еще пример фразы Гринауэя, в которой смысл почти теряется под весом кросс-культурных отсылок: "Если даже мы возьмем в качестве отчета Алена Рене эпохи "Последнего

Экран и сцена —